

30 ноября 1980 года

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

28 ноября исполнилось бы 65 лет замечательному советскому писателю, лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда Константину Михайловичу Симонову.

Детские годы Симонова прошли в Рязани, и позже он неоднократно бывал в нашем городе. Об этом и рассказывается в воспоминаниях журналистки Е. Карпельцевой.

В КНИЖНОМ шкафу моем, среди любимых книг, есть несколько особенно дорогих томов — это различные издания произведений Симонова с его автографами. Теперь, когда он так безвременно ушел из жизни, эти книги стали драгоценной памятью...

Мне приходилось встречаться с Константином Михайловичем в разные годы, но главное, что связывало нас, — наше детство, школа. И в автографах его неизменно подчеркивается это: «На добрую память о школьных годах» или: «От ученика 3-го класса Кирилла». (Настоящее имя Симонова — Кирилл, Константин — его литературный псевдоним).

Крылатое выражение «все мы из страны детства» хранит в себе большую мудрость. Да, истоки формирования личности и тем более личности творческой уходят в детство, и чем старше становится человек, тем, как это ни удивительно, ярче встают перед ним далекие годы и отчетливее понимаешь, из каких семян пошли и добрые, и горькие всходы души. Разве не потому исследовали столь scrupulously «начало жизни» многие писатели и прежде всего великий Толстой?

Приезжая в Рязань, Симонов неизменно первый визит делал в школу — школу № 2 имени Крупской, что на улице Революции. И рязанскому периоду своей жизни он придавал большее значение. Вот почему хочется поделиться всем, что сохранила память о тех годах.

Вернемся же более чем на полвека назад, в тихий зеленый город, где по каменной мостовой стучат пролетки извозчиков, летом пахнет антоновскими яблоками, а зимой сугробы заносит иней, деревянные домишки чуть ли не до крыш. Электричество в ту пору есть далеко не во всех домах, а редкие фонари на улицах воспринимаются с восторгом как знак прогресса. Зато весной можно найти лужи, не меньше знаменитой миргородской у Гоголя, где мальчишки пускают целые флотилии корабликов.

Но по этим провинциальным тихим улицам носился ветер нового времени. И мы, дети, ощущали его. По старым камням маршировали красноармейцы в буденовках, за ними стаями бежали ребята, старались попасть в ногу. Над Дворцом Труда на Астраханке (нынешнее здание облисполкома) трепетал красный флаг. Впрочем, вскоре улица стала называться не Астраханская, а улица Ленина. Да и на других менялись таблички: Владимирская стала улицей Свободы, Соборная — улицей Революции. На деревянных заборах висели плакаты, призывавшие нас вступать во всевозможные общества — МОПР (помощь борцам революции), безбожников, ОСОАВИАХИМ... И ощущая в кармане пятак, выданный матерью на завтрак, мы по дороге решали отдать его на помощь делу мировой революции, в приход которой свято верили. Еще только-только отгремели последние выстрелы гражданской войны, еще были мы одеты в обноски и не досыта ели, но жить было необыкновенно интересно, все виделось в особом крупном масштабе — такова была атмосфера нашего детства.

ГОДЫ И ЛЮДИ

В школе жизнь бурлила: выставки детского творчества — стихи, рисунки, поделки, заседания учкома, где учителя и ученики присутствовали на равных правах, спектакли, которыми в то время все повально увлекались. И ничего, что нам было по девять-десять лет, мы тоже не отставали от старшекласников! Вообще, чувство своей причастности к большому миру и всем его делам — это было, пожалуй, главное, чем одарило нас время нашего детства.

Кирилл Симонов был всегда в гуще любых событий. Это был очень живой, общительный, но самый обыкновенный мальчишка, который мог и подражаться, и за косичку дернуть, но все это беззлобно и с самой обаятельной улыбкой на нагелезлом лице. Учился он хорошо, но были и другие ребята, не уступающие ему. Отличался он тогда не стихами, которые, кстати, писали тогда многие, а рисунками. На всех выставках красовались его рисунки, причем тема всегда была одна — Красная Армия. Мчались буденовцы, развевались знамена, оцетищивались шттики... Очень любил он рисовать Михаила Васильевича Фрунзе: это был его любимый герой.

Вот с каких давних пор родился у будущего писателя пристрастие к военной теме. Истоки этого и в самом времени, с одной стороны, и в семье — с другой. Отчим Кирилла — Александр Григорьевич Иванович был командиром Красной Армии, он преподавал в ту пору на пехотных курсах в Рязани. У него, кстати, учился Герой Советского Союза Огнев, который вспоминает Ивановича с глубоким уважением. Припомнил он как-то в разговоре и симпатичного мальчонку, который часто крутился возле курсантов.

О том, какое огромное влияние оказал на него отчим, прямо говорит и сам Симонов в своей поэме «Отец». Это небольшая, но удивительно емкая по мыслям вещь — настоящий гимн воинской чести, всем тем высоким моральным принципам, воплощением которых был скромный пехотный командир.

...Не знаю, может золотым То детство не окрестят. Но лично я доверяю им — В нем было все на месте. ...Знал смолodu:

...есть слово — долг. Знал с детства:

...есть лишения. Знал, где не струсить —

...будет толк, Где струсить —

...нет прощенья!

...А я хотел солдатом быть. По улице Рязанской

Я, все забыв, мог час

...плыть

За ротой курсантской.

В школу нередко заходила мать Кирилла — Александра Леонидовна. Высокая, красивая, она казалась очень строгой, и мы, по правде говоря, робели перед ней и удивлялись Кириллу, как это он может ослущаться такой мамы. Но содизила нас всех с ней подготавливал к спектаклю.

О, этот спектакль — незабываемая страница детства! Встретившись с Кириллом — уже известным писателем — в 1955-м мы первым делом вспомнили о нем, с волнением поднимаясь на ту самую маленькую школьную сцену, где почти тридцать лет назад приобрелись к сладкой магии театра. И ведь не какую-нибудь детскую сказочку ставили мы — третьеклассники, а пьесу под названием «Восстание рабов», где речь шла о войне Севера и Юга в Америке, об освобождении

негров. Там было все, к чему так тянулись мы тогда — борьба, патетические речи, подвиги, самоотверженность. Среди действующих лиц — Бичер-Стоу, знаменитый автор «Хижины дяди Тома», книжками которой все мы зачитывались, и предводитель северян Джордж Бран. Вот его-то и играл Кирилл. Он казался тогда нам просто великолепным, в брюках, сменивших короткие штанишки, с наклеенными усами и с картонным пистолетом за поясом. Даже свойственная ему картавость не мешала, искруясь темпераментом игры.

Все мы делали сами — декорации, костюмы, реквизит. И тут очень деятельной помощницей оказалась мама Кирилла. Руководила же всем наша учительница Евдокия Васильевна Ананьева. Очень строгая на уроках (в те времена нас еще ставили в угол в наказание), она была искренне увлечена спектаклем, несмотря на свои седины и тучность.

Кстати, Евдокия Васильевна, вместе со своим братом Иваном Васильевичем — тоже учителем, жила в деревняном доме с мезонином на улице Либкнехта, 52. На этом доме сейчас есть мемориальная доска, гласящая, что здесь жила известная революционерка Н. Годунова. А ведь именно в этом доме снимала квартиру некоторое время и семья Симонова. Факт этот помню не только я, в Рязани живет одна из старейших медицинских работниц города Мария Петровна Левченко. Она в те годы дружила с матерью Кирилла и тоже подтверждает, что они жили в доме № 52. Наверное, следовало бы на этом некажистом на вид домике прикрепить еще одну мемориальную доску.

Есть поблизости и еще один дом, связанный с именем Симонова, дом № 20 по Садовой улице — красивый деревянный дом с высоким крыльцом. Здесь жила учительница музыки Екатерина Алексеевна Сухоручкина. У нее занимался Кирилл, брала уроки и я.

У Сухоручкиной была прекрасная библиотека — книжные стеллажи во всю стену, много старинных журналов. Узнав это, мы с Кириллом нередко прибегали к хитрости — приходили на урок задолго до назначенного часа и с разрешения Екатерины Алексеевны наслаждались рылись в книгах. Честно говоря, кабинет с книгами привлекал нас куда больше самих уроков музыки с их скучными, на наш взгляд, гаммами и упражнениями.

Когда К. Симонов приезжал в Рязань последний раз (февраль 1974 года), я подарила ему снимок дома на Садовой, который сделала раньше для себя, не думая, что он так пригодится. Симонов искренне обрадовался снимку, словно это был самый ценный подарок. Этот маленький факт красноречиво свидетельствует о том, как дороги были писателю воспоминания о детстве в Рязани.

Очень горько сознавать, что уже никогда не переступит он порог родной школы, не улыбнется приветливо друзьям. Много ярких строк о Симонове появилось в скорбные дни после его кончины. И многие его соратники по перу подчеркивали, что Симонов не только замечательный писатель, но глубокая, цельная, благородная личность, истинный патриот. Еще будут написаны о нем книги. И, думается, будут в них строки о тех далеких двадцатых годах, когда маршировал кареглазый мальчишка с курсантской ротой по улицам Рязани и произносил со школьной сцены горячие слова о свободе и справедливости.

Е. КАРПЕЛЬЦЕВА.